

Парадоксы синтеза в экономической теории

Светлана Георгиевна Кирдина-Чэндлер

Институт экономики РАН, Москва, Россия, e-mail: kirdina@bk.ru

Цитирование: Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Парадоксы синтеза в экономической теории // *Terra Economicus* 19(3): 37–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52

*Неоклассический синтез 1940–1960-х годов и новый неоклассический синтез 1990-х годов стали важными этапами в развитии ортодоксального экономического мейнстрима. Их достижениями являются имплементация в неоклассическую теорию актуальных идей для создания «новых теорий для изменяющегося мира». Результаты и успехи того и другого синтеза хорошо известны. Однако можно видеть, что после каждого синтеза ряд важнейших для экономической неоклассики теоретических проблем так и не находит своего решения. Причины сохранения таких проблем, которые мы называем парадоксами (от др.-греч. *παράδοξος* – неожиданный, странный), исследованы, на наш взгляд, недостаточно. Однако они важны для понимания ограничений и перспектив развития неоклассической экономической теории. Анализ этих парадоксов посвящена статья. В нашем исследовании, прежде всего, мы выделяем общие предпосылки, определившие успехи неоклассического и нового неоклассического синтеза. Среди них, во-первых, запросы практики; во-вторых, наличие новых идей и творческих дискуссий в научном сообществе; в-третьих, сохранение методологического категориального ядра (*hard core*) неоклассики. Парадоксальность ситуации состоит, однако, в том, что одновременно методологический фактор выступает ограничением при решении постоянно дискутируемых проблем ортодоксальной теории. Мы показываем, что именно жесткость методологического ядра не позволила улучшить прогностические возможности неоклассической теории, сделать ее модели менее абстрактными и учесть необходимый социальный и материально-природный контекст, а также разрешить проблему «классической дихотомии» ни в ходе неоклассического, ни нового неоклассического синтеза. Более того, особенности методологии в значительной мере усиливают идеологизацию неоклассики, ее «зацикленность» на микрооснованиях и сохранение оптимизационной математики равновесных моделей. В современных условиях, существенно отличающихся от тех, когда окончательно сформировалось методологическое ядро неоклассики (середина XX века), следование ее постулатам становится ограничением для плодотворного развития ортодоксальной экономической теории.*

Ключевые слова: ортодоксальная экономическая теория; неоклассический синтез; новый неоклассический синтез; методология экономической науки; гетеродоксальная экономическая теория

Paradoxes of synthesis in economics

Svetlana G. Kirdina-Chandler

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: kirdina@bk.ru

Citation: Kirdina-Chandler S.G. (2021). Paradoxes of synthesis in economics. *Terra Economicus* 19(3): 37–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52

The neoclassical synthesis of the 1940–1960s, and the new neoclassical synthesis of the 1990s, are important milestones in the development of neoclassical economics. However, after each synthesis solutions are not found to the continuously debated theoretical problems of neoclassical economics, such as weak predictive capabilities, inability to reflect the relevant social and environmental context, and solutions to the problem of the “classical dichotomy”. The reasons for the persistence of such problems, which we call paradoxes (from ancient Greek παράδοξος – unexpected, strange), have not been sufficiently studied. However, they are important for understanding the limitations and prospects for neoclassical economic theory. The paper is devoted to the analysis of these paradoxes. We highlight the general factors that influenced the results of both syntheses. Among them, firstly, the challenges of reality, secondly, the presence of new ideas and creative discussions in the scientific community, and thirdly, the preservation of the methodological categorical core of neoclassic economic theory. However, it is paradoxical that at the same time the hard methodological core is a limitation on solving the problems of neoclassical theory mentioned above. Moreover, the rigidity of the methodological core significantly enhances the ideological nature of neoclassical economics, its noticeable “fixation” on micro-foundations, and the preservation of the optimization mathematics of equilibrium models. In modern conditions, which are significantly different from those existing when the methodological core of neoclassical economic theory was finally formed (mid-twentieth century), adherence to its postulates becomes a limitation on the fruitful development of orthodox economic theory.

Keywords: orthodox economic theory; neoclassical synthesis; new neoclassical synthesis; methodology of economic science; heterodox economic theory

JEL codes: B15, B25, P16, P51

Введение

Что помогает и что мешает теоретикам развивать концепции и модели, которые наилучшим образом отражают закономерности экономических процессов? Попробуем понять это на основе анализа неоклассического и нового неоклассического синтеза, которые стали важными этапами в развитии ортодоксальной экономической теории¹ XX века. Каждый раз задача синтеза состояла в улучшении объяснительных и прогностических возможностей экономической теории. До какой степени это удалось?

Итак, неоклассический синтез конца 1940–60-х годов и новый неоклассический синтез 1990-х годов представляют собой прежде всего теоретический синтез². Теоретический синтез (т.е. синтез в теоретическом научном знании) означает согласование различных подходов и/или концепций, которые до того, возможно, конкурировали друг с другом (Садовский, 2001). Когда между конкурирующими концепциями, моделями или доктринами достигается взаимоприемлемый консенсус по основным теоретическим и содержательным вопросам, а также про-

¹ В настоящей статье «ортодоксальная экономическая теория», «экономическая ортодоксия», «современная неоклассическая экономическая теория», «неоклассика», «неоклассическая ортодоксия», «экономический мейнстрим» употребляются как синонимы.

² Это отличает его от синтеза как обычного научного метода, который вместе с анализом составляет часть любого исследовательского инструментария.

исходит «прекращение методологической борьбы» (Вудфорд, 2010: 18), происходит их синтез и возникает новое теоретическое направление. Таким образом, разрешается определенная методологическая дилемма, которая существовала в той или иной дисциплине до синтеза: начинает действовать обновленная общая методологическая рамка для дальнейших исследований, которая вбирает преимущества и сильные стороны (сильные с точки зрения объяснения существующих фактов) каждой из участвовавших в синтезе концепций.

Конечно, такого рода синтез в экономической теории – не уникальное явление, он имеет место и в других дисциплинах. В качестве примера можно привести *современный эволюционный синтез* (англ. modern synthesis; neo-Darwinian synthesis) в биологии, означавший переосмысление ряда положений классического дарвинизма с позиций генетики начала XX века. Выявление дискретной природы наследственности и развитие теоретической популяционной генетики позволили обеспечить учению Дарвина прочный генетический фундамент (Воронцов, 1980). В современной физике понятие *квантового поля* возникло в результате синтеза представлений о классическом поле и частицах. Тем самым была разрешена методологическая дилемма корпускулярно-волнового дуализма классической физики. В рамках новой квантовой физики (частью которой стала квантовая теория поля) была обоснована связь явлений на уровне микромира с их последствиями на уровне макромира (Ширков, Казаков, 2009).

В экономической теории результатами неоклассического и нового неоклассического синтеза также стали разрешения определенных противоречий при объяснении экономических процессов, что будет показано ниже. Однако мы уделим внимание не столько общеизвестным достижениям того и другого синтеза, сколько сопровождающим их парадоксам, что исследуется недостаточно.

Что мы понимаем под парадоксами неоклассического и нового неоклассического синтеза в экономической теории? Дело в том, что обычно в ходе теоретического синтеза, как было отмечено, происходит усиление объяснительных и прогностических возможностей новой синтетической теории или подхода по сравнению с теми, которые «синтезировались». Другими словами, после синтеза возникшее теоретическое направление позволяет лучше увязать и объяснить то, что раньше такого объяснения не имело. Если же в ходе синтеза объяснительные возможности новой теоретической схемы, концепции или направления сохраняют прежние ограничения и недостаточны для разрешения теоретических коллизий и получения адекватных ответов на вызовы практики, то синтез, по-видимому, не в полной мере смог решить поставленную задачу. Такую ситуацию можно обозначить как парадокс (от др.-греч. *παράδοξος* – неожиданный, странный). Исследованию таких парадоксов синтеза в ортодоксальной экономической теории и их причин посвящена статья.

Обоснована гипотеза о том, что причины парадоксов лежат преимущественно в методологической плоскости. Строгие (и одновременно довольно жесткие) методологические основания экономической ортодоксии, определяющие каждый раз возможность синтеза, являются в то же время и определенными ограничениями для его плодотворности.

Статья построена следующим образом. Сначала представим структурированное описание неоклассического и нового неоклассического синтеза, а именно: отметим причины каждого из них, сущность и результаты. В следующем разделе будут выявлены ограничения синтеза 1940-60-х и синтеза 1990-х годов, показаны причины ограничений и связанные с ними парадоксы. Мы будем опираться в основном на гетеродоксальную критику современного состояния неоклассической экономической теории, а также обоснуем гипотезу о противоречивой роли методологических предпосылок экономики мейнстрима при осуществлении неоклассического и нового неоклассического синтеза. В заключение будут рассмотрены дискуссионные вопросы преодоления парадоксов в экономической теории и их перспективы.

Предпосылки и результаты неоклассического и нового неоклассического синтеза

Историки экономической мысли (среди них В.С. Автономов, О.И. Ананьин, У. Баумоль, М. Блауг, Н.А. Макашева, А.Г. Худокормов и др.) связывают появление новых исследовательских, в том числе синтетических, схем с вызовами реальной практики, с необходимостью создания «новой

теории для изменившегося мира» (Автономов и др., 2002: 481). Например, убедительный анализ связи между кризисами производства и кризисами в экономической теории, которые требовали пересмотра теоретических основ и формирования обновленных концепций, представлен в (Худокормов, 2009: 360–362). О связи изменений в экономической теории с экономической практикой также подробно писали (Клейнер, 2017) и (Мальцев, 2017). Таким образом, потребность объяснить новые феномены экономической реальности и дать соответствующий теоретический ответ служит **первой предпосылкой** каждого нового синтеза в экономической теории.

Действительно, исследователи неоклассического синтеза и нового неоклассического синтеза постоянно обращают на это внимание. Так, формирование *неоклассического синтеза*, известного сначала как «кейнсианский», а ныне как «самуэльсоновский» (Samuelson, 1955) синтез, повсеместно связывают с ответом экономической теории на мировой кризис 1929 года и Великую депрессию. Этот кризис опроверг центральную концептуальную идею неоклассиков об эффективности стихийного рыночного регулирования капиталистической экономики без государственного вмешательства и потребовал новых теоретических обоснований.

Соответственно, потребность в *новом неоклассическом синтезе* также была спровоцирована ударами «извне», т.е. сигналами самой экономики. Таким ударом стал новый экономический феномен, не имевший объяснений в рамках ортодоксальной экономической теории после неоклассического синтеза. Этот феномен – стагфляция, когда экономический спад и депрессивное состояние экономики (*стагнация* при увеличении безработицы) и рост цен (*инфляция*) происходили одновременно. «Речь шла о совершенно новом явлении в цикле, когда в фазе кризиса цены вместо того, чтобы падать, наоборот, повышаются. Впервые это произошло в кризисе 1973–1975-х годов... Борясь со спадом традиционными кейнсианскими методами, власти только усугубляют инфляцию; борясь с инфляцией, усугубляют спад» (Меньшиков, 2007: 324). Эту ситуацию интерпретировали как кризис кейнсианского регулирования экономики (Там же), что потребовало, соответственно, ревизии экономической теории и нового синтеза. «Стагфляция 70-х годов была для кейнсианской теории тем же, чем Великая депрессия – для классической ортодоксии» до нее (Tobin, 1996: 36, цит. по Маневич, 2008: 6).

Однако только вызовы практики, какими бы настоящими они не были, сами по себе не приведут к становлению новых синтетических направлений. К этому должна быть готова сама наука, что предполагает наличие в ней конкурирующих теоретических схем для объяснения новых фактов и их активное дискутирование. Разнообразие представленных широко обсуждаемых научных концепций, таким образом, есть **вторая предпосылка**, необходимая для становления теоретического синтеза. История первого и второго синтеза в неоклассической экономике подтверждают это.

В 1920–30-е годы в западных странах, где господствовала неоклассическая теория, в ее рамках шли интенсивные научные дискуссии об экономической динамике и политике стабилизации с множеством объяснений циклов и депрессий. «Общая теория занятости, процента и денег» английского экономиста Дж.М. Кейнса (Keynes, 1936) была им противопоставлена. Вызванная публикацией данной книги «кейнсианская революция» спровоцировала множество откликов ряда ученых. Первые попытки соединить идеи Кейнса с господствовавшей неоклассической доктриной (подробнее об этом см. Trautwein, 2014) были представлены уже через год после опубликования его книги, прежде всего в работах (Hicks, 1937), (Lundberg, 1937) и (Haberler, 1937). При этом характерное отношение неоклассиков к претендовавшей на всеобщность теории Кейнса выразил его соотечественник Джон Р. Хикс, автор модели IS-LM. Он толковал теорию Кейнса не как новую *общую теорию*, а как частный случай неоклассической теории, применимый в условиях глубокой депрессии (Маневич, 2008: 4). Последовавшие затем работы (Modigliani, 1944), (Hansen, 1949), (Patinkin, 1956), (Tobin, 1958) и др. по адаптации и развитию идей Кейнса в совокупности сформировали известный «Великий неоклассический синтез», который был декларирован П. Самуэльсоном в 1950-х годах. Он опубликовал основные его положения в учебнике 1948 года (Samuelson, 1948) и уточнял в дальнейших переизданиях в 1950–60-х годах, в том числе с учетом отмеченных выше работ.

Сутью *неоклассического синтеза* стало соединение в новой доктрине кейнсианских идей для анализа экономики в краткосрочном периоде и неоклассических – в долгосрочной перспекти-

ве. Другими словами, было принято, что коррекция экономики в краткосрочном периоде может быть достигнута на основе мероприятий государственной налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, но при этом сохранилось признание того, что равновесие в долгосрочной перспективе достигается без необходимости государственного вмешательства³. Или, как писал Самуэльсон, неоклассическая теория эффективного распределения ресурсов «вступает в свои права», как только кейнсианское макроэкономическое управление денежным спросом ликвидирует вынужденную безработицу и инфляцию (Samuelson, 1955: vi).

Если мы обратимся к предыстории *нового неоклассического синтеза*, то увидим, что он также стал результатом многочисленных научных дискуссий, обострившихся в 1970-е годы. Основная полемика велась тогда вокруг закономерностей экономической динамики, поскольку Кейнсу и его последователям так и не удалось создать целостной теории цикла (Довбенко, Осик, 2011). Это не позволяло исследовать причины отмеченной выше стагнации и предлагать эффективные меры экономической политики. Также было выявлено внутреннее теоретическое противоречие неоклассического синтеза. Оно заключалось в том, что вальрасовская микроэкономика с равновесием рынков и общим равновесием не может полноценно агрегироваться в кейнсианскую макроэкономику, где рынки не приходят к равновесию. Поэтому во второй половине XX века внутри самой макроэкономики (порожденной неоклассическим синтезом) стали возникать новые направления, конкурировавшие друг с другом. Наряду с неокейнсианством (Д. Хикс, П. Самуэльсон, Ф. Модильяни) в 1950-е годы начал развиваться монетаризм, основоположником которого был М. Фридман. Затем в 1970–80-е годы получила известность новая классическая макроэкономика, которая включала модели реального делового цикла и базировалась на гипотезе о рациональных ожиданиях, фактически отказавшись от идей Кейнса о «выборе» между инфляцией и безработицей даже в краткосрочном периоде (Р. Лукас, Т. Сарджент, Дж. Мут, Э. Прескотт, Л. Рэппинг). В 1980-е годы с ними вступили в полемику новые кейнсианцы, попытавшиеся в очередной раз совместить кейнсианскую макроэкономику с микроэкономикой и предполагавшие не гибкие, как у новых классиков, а жесткие зарплаты и цены, что не позволяет таким ценам «расчищать» рынки (Г. Мэнкью, Д. Ромер, Дж. Стиглиц, С. Фишер, О. Бланшар). Также в 1980-е годы появились так называемые новые теории роста, в том числе теории эндогенного роста (П. Ромер, Р. Лукас, С. Ребело, Л. Петронеро), предложившие свои объяснения экономической динамики.

Итогом отмеченного разнообразия подходов и моделей, а также активных дискуссий между их сторонниками стал *новый неоклассический синтез* 1990-х годов (подробнее о его становлении и характеристиках см. Goodfriend, King, 1997; Woodford, 2009; Вудфорд, 2010; Laffargue, Malgrange, Morin, 2012). Это направление объединило представления реального делового цикла, гипотезу рациональных ожиданий и некоторые методы моделирования из новой классической макроэкономики с представлениями о номинальных жесткостях и прочих несовершенствах рынка из нового кейнсианства, включая его идеи о том, что монетарная политика может стабилизировать экономику. В ходе нового неоклассического синтеза теория реального делового цикла была доработана до динамических стохастических моделей общего равновесия (DSGE-модели) с репрезентативным агентом. Стохастический элемент в этих моделях генерируется шоками в экономике, воздействующими как на спрос, так и на предложение. Сегодня эти модели стали одними из наиболее массовых в неоклассическом экономическом мейнстриме и получили широкое распространение не только в научных кругах, но также используются в деятельности ряда центральных банков⁴ и институциональных консультантов по экономической политике (Вудфорд, 2010: 28; Полбин, 2013: 348).

Сторонники нового неоклассического синтеза обозначили и новую основную цель экономической политики – поддержание невысоких и стабильных темпов инфляции. «Данная рекомендация на концептуальном уровне “вдохновлена” монетаризмом, а на практическом уровне подкрепляется успешной борьбой с инфляцией ФРС США в начале 1980-х годов путем жесткой денежно-кредитной политики» (Столбов, 2012: 16).

³ Policonomics (2021). *Neoclassical Synthesis* (<https://policonomics.com/neoclassical-synthesis/> – Дата обращения: 12.04.2021).

⁴ Справедливости ради отметим, что при этом ни один крупный центральный банк в мире не использует модель DSGE в качестве основной модели экономики (Koginek, 2017: 11).

Однако, наряду с рассмотренными выше факторами становления теоретического синтеза, а именно – потребностями практики и необходимым концептуальным разнообразием в самой науке, также важна **третья предпосылка**, без которой, на наш взгляд, синтез вряд ли возможен. Этот фактор – методологический. Речь идет об артикуляции обобщающей обновленной методологии, знаменующей «прекращение методологической борьбы» и формирование «методологического консенсуса». Методология включает основные поддерживаемые сторонниками каждого нового синтеза предпосылки, общие взгляды на связи между экономическими феноменами и совокупность характерных математических моделей и экономико-математических методов. Математические модели и расчеты позволяют логически обосновать и уточнить выделяемые теоретиками функциональные взаимосвязи, а также проверять выводы и прогнозы, базирующиеся на общих методологических предпосылках.

Поскольку и в первом, и во втором случае мы говорим о синтезе в рамках неоклассической экономической теории, то очевидно, что имеет место сохранение ее базовых предпосылок, формирующих категориальное ядро неоклассики, ее парадигму. В основе категориального неоклассического ядра лежит принцип методологического индивидуализма, о роли которого много написано, в том числе и в наших предыдущих работах (Кирдина, 2013а; 2013b). Основанная на принципе методологического индивидуализма система парадигмальных предпосылок ортодоксальной экономики, берущая начало от классического труда «Principles of Economics» Альфреда Маршалла (1890), окончательно оформилась к середине XX века. Важнейшими из них, по мнению Гэри С. Беккера, являются предпосылки максимизации, рыночного равновесия и устойчивых предпочтений (Becker, 1976)⁵.

Набор методологических предпосылок задает, в свою очередь, и набор аналитических предпосылок, что ведет к выбору определенного математического инструментария. Так, репрезентация рынка как состояния уравнивания спроса и предложения во времени и пространстве требует принятия набора таких аналитических предпосылок, как «выпуклости кривых производственных возможностей (production sets) и карт потребительских предпочтений, рациональности экономических агентов» (Ронкалья, 2018: 588). Это определяет и специфику математического аппарата, используемого неоклассикой, а именно «оптимизационной математики из термодинамики в качестве основы для математической экономики» (Фоули, 2012: 91).

В ходе каждого синтеза данная система предпосылок сохраняла свое парадигмальное значение. Если исходно те или иные допущения и предпосылки возникающих концепций «не вписывались» в нее, происходила их адаптация или модификация (а порой и игнорирование) с целью «вписать» их в категориальное неоклассическое ядро. Это служило для таких концепций «входным билетом» в экономическую ортодоксальную теорию.

Покажем, как это происходило в ходе *неоклассического синтеза*. Известно, что Дж. М. Кейнс считал индивида не столько рациональным субъектом, сколько субъектом, подверженным «денежным иллюзиям», значительная часть экономической деятельности которого определяется иррациональным началом («animal spirits»). Поэтому в «Общей теории...» Кейнс ввел макроэкономические функции потребления, инвестиций и предпочтения ликвидности, основанные не на принципе оптимизации, а преимущественно на привычках и эмоциях (подробнее об этом см.: Автономов, 1998; Розмаинский, 2007).

Однако в результате неоклассического синтеза «последующее развитие макроэкономики... характеризовалось внедрением в нее макроэкономических функций, основанных на оптимизации» (Розмаинский, 2008: 94), так что с тех пор оптимизация и равновесный анализ «являются ведущими принципами экономического мейнстрима» (Там же: 93). В результате неоклассического синтеза макроэкономика, будучи, по сути, детищем Кейнса, стала основываться на «выведении макроэкономических поведенческих функциональных связей из индивидуальных максимизационных решений» (Харрис, 1990: 435), а «та интерпретация, которой подверглась работа Кейнса, сделала его модель... сходной с неоклассической теорией цены (микроэкономикой)

⁵ Вера в силу этих предпосылок питает явление, известное как «экономический империализм», также связанное с именем Г. Беккера, когда экономисты «вторгаются» со своими теоретическими моделями в «неэкономические» сферы, полагая неоклассическую теорию основой для унификации общественных наук.

и неоклассической количественной теорией» (Там же: 402). Исследователи неоклассического синтеза связывают закономерность такой интерпретации с тем, что «Аналитические инструменты Кейнса, развернутые в “Трактате”⁶, во многом являются теми же маршаллианскими конструкциями (кривыми спроса и предложения) его студенческих дней» (Foley, 2014: 7), за которыми стоят предпосылки равновесия и рациональности, основанные на принципе методологического индивидуализма.

Похожая ситуация имела место в ходе *нового неоклассического синтеза*. Так, разработанные на его основе макроэкономические модели DSGE, учитывая известную «критику Лукаса» (Lucas, 1976), базируются теперь на микроэкономических взаимодействиях рациональных агентов, т.е. на микрооснованиях. Таким образом, динамика экономической системы при таком подходе обусловлена не столько сочетанием тех или иных макроэкономических показателей и мерами экономической политики, сколько «представляет собой результат некоторой оптимизационной деятельности экономических агентов» (Полбин, 2013: 348). Сохранение методологической основы ортодоксии в ходе нового неоклассического синтеза находит свое отражение в том, что экономисты продолжают уделять основное внимание индивидуальному поведению рациональных экономических агентов в связи с теми или иными изменениями макроэкономической политики, а затем обобщать (агрегировать) решения экономических агентов, обновивших свои ожидания в ответ на изменения политики.

Сохранение устойчивости концептуального ядра ортодоксальной экономики, опирающегося на принцип методологического индивидуализма и равновесные оптимизационные модели, обеспечило, на наш взгляд, саму возможность как неоклассического, так и нового неоклассического синтеза (Кирдина, 2013: 100). Как мы показали, за счет этого развитие «синтетических» направлений каждый раз позволяло ортодоксальной теории, с одной стороны, вбирать некоторые новые идеи и актуальные разработки, а с другой стороны, сохранять определенное единство неоклассической теории, что продолжает обеспечивать ее доминирование и статус экономического мейнстрима.

Источники парадоксов неоклассического и нового неоклассического синтеза

Итак, отмеченная устойчивость концептуального ядра, или *hard core*, по (Lavoie, 1992), ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность поколений экономистов принципу методологического индивидуализма каждый раз лежат в основе синтеза принимаемых теоретических инноваций с мейнстримом. Однако эта устойчивость мейнстрима имеет и оборотную сторону. Она, на наш взгляд, является основным препятствием для решения характерных для неоклассики теоретических проблем, которые сохранились как в рамках неоклассического, так и в рамках нового неоклассического синтеза. Эту неспособность разрешить известные и постоянно обсуждаемые теоретические затруднения мы называем парадоксами синтеза в неоклассической экономической теории. Мы обратим внимание на три таких парадокса: они показывают, какие именно традиционные для экономической ортодоксии проблемы так и не получили своего разрешения.

На **первый парадокс** обращают внимание не только внешние и внутренние критики ортодоксии, но также практики, т.е. основные «потребители» официального научного знания. Этот парадокс состоит в том, что, несмотря на оба синтеза, неоклассическая экономическая теория по-прежнему обладает низкими прогностическими возможностями.

После первого синтеза они проявились в 1970-е годы, когда возникли непредвиденные в рамках неоклассики явления stagflation, связанные в том числе с поразившим экономику западных стран нефтяным кризисом. После нового неоклассического синтеза также происходили непрогнозируемые явления: мировая экономика пережила «кризис доткомов» начала 2000-х годов, который оказался лишь «репетицией» Великого финансового кризиса 2008/09. В связи с этим кризисом широкий резонанс получили вопросы королевы Елизаветы II при посещении ею Лондонской школы экономики о том, почему никто не сумел предсказать кредитный кризис, и

⁶ Речь идет о работе Кейнса «A Treatise on Money», 1931.

ответы на них. Как заметил, например, профессор Л. Гарикано (Luis Garicano), которому королева лично адресовала свой вопрос, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако, с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи»⁷. Эти «неправильные вещи» и есть тот парадокс непредсказуемости крупнейших экономических потрясений, характерный для неоклассической экономической теории.

После кризиса работавшие с неоклассическими DSGE-моделями макроэкономисты также столкнулись с резкой критикой как со стороны своих коллег, так и со стороны аутсайдеров, и в целом «подход DSGE оказался под сильным огнем» (Korinek, 2017: 1). Специалисты, отмечая слабость этой исследовательской программы при изучении циклических колебаний, указывали, что она «бессильна в части их прогнозирования и упреждения. Поэтому стабилизационная политика, основанная на DSGE-моделях, всегда будет носить субъективный характер» (Столбов, 2012: 18). Неоклассический синтез, «расширив рамки теоретического анализа в экономической науке, оказался недостаточным для решения практической задачи – недопущения глобальной рецессии» (Там же: 24), которая оказалась непрогнозируемой и поэтому не была упреждена.

Второй парадокс связан с избыточной универсальностью (абстрактностью) предлагаемых неоклассической моделей описания экономики. Ее модели продолжают оставаться внеисторичными и не учитывают ограничительную специфику ни социально-культурных, ни материально-природных условий, в которых развиваются экономики. Как писал об этом У. Баумоль, макроэкономические модели «не содержат ничего такого, что отличало бы рыночные экономические системы от экономик советского типа или от экономики Древнего Рима и средневекового Китая» (Баумоль, 2001: 84). Неоклассические модели также не учитывают ограничений природной материальной среды, поскольку это вступает в фундаментальное противоречие с их базовыми аналитическими предпосылками, предполагающими непрерывный рост на бесконечных временных горизонтах. Неслучайно Р. Уэйлс отмечал, что экологические и социальные проблемы продолжают остро дискутироваться и остаются теми вопросами, по поводу которых (в отличие от всех остальных) ученые, входящие в Американскую экономическую ассоциацию, не могут достичь консенсуса (Wharles, 2006, цит. по: Баженов, Мальцев, 2018: 9). «Огромный пласт исследований, посвященных ... роли социального и иных контекстов при принятии решений, остается практически не инкорпорированным в макроэкономическую теорию» (Столбов, 2012: 23).

Очевидно, что теория, в том числе и экономическая, не может не оперировать с универсалиями и едиными абстрактными сущностями. Вопрос, однако, в том, насколько абстрактные теоретические модели эвристичны. Не происходит ли в процессе абстрагирования того, что называют «выплескиванием с грязной водой и младенца», когда игнорируются определяющие разнообразие экономик социальные и природные условия? Неоклассическая экономика обращается к зависимости от этих условий, используя лишь понятие внешнего фактора. Такие факторы рассматриваются скорее как случайные, реальные последствия которых не так важны, поскольку равновесный рынок всегда сможет решить эту проблему. Другого решения неоклассика не предложила ни в ходе неоклассического, ни нового неоклассического синтеза.

Наконец, сохранение так называемой классической дихотомии – ее даже называют «вечной дихотомией» неоклассики (Остапенко, 2020) – представляется нам **третьим парадоксом**. Принцип «классической дихотомии», выявленный Й.А. Шумпетером (Schumpeter, 1954), и связанное с ним представление о нейтральности денег означают рассмотрение реального и монетарного секторов экономики как не оказывающих прямого влияния друг на друга. Экономическая ортодоксия предполагает их взаимосвязь лишь посредством установления абсолютного уровня цен, который при этом не влияет на установление равновесия в реальном секторе экономики в долгосрочном периоде. Другими словами, общий уровень цен, зависящий от денежного предложения и имеющий монетарную природу, и относительные цены, определяемые процессами в реальном секторе, формируются независимо. Поэтому денежные агрегаты не оказывают влияния на динамику реальных макроэкономических показателей (ВВП, занятость, инвестиции) в долгосрочной

⁷ Stewart H. (2009). This is how we let the credit crunch happen, Ma'am ... *The Guardian*. Sun 26 Jul (<https://www.theguardian.com/uk/2009/jul/26/monarchy-credit-crunch> – Accessed on July 08 2020).

перспективе, что означает нейтральность денег (подробнее об этом см., например, Маевский, 2021). Принцип «классической дихотомии» предполагает, таким образом, определенное разграничение монетарного и реального анализа⁸.

Данный парадокс означает, что в рамках неоклассики после первого и второго неоклассического синтеза так и не удалось выйти за рамки реального анализа (об этом см. Heip, 2008). Другими словами, в ходе каждого синтеза не преодолены ограничения разобщенности анализа реальных и денежных процессов. Как отмечают критики неоклассики, используемые в ней экономические модели не включают механизмы денежного обращения и «финансирования путем создания денег» (Кумхоф, Якоб, 2016: 52). Несмотря на то что «новый неоклассический синтез в его посткризисной реинкарнации обладает большей гибкостью и способностью к учету монетарных факторов, чем принято считать его критиками» (Остапенко, 2020: 83), он, тем не менее, сохраняет свою приверженность реальному анализу. Это подтверждается «существованием в DSGE-моделях фундаментально равновесных, естественных макроэкономических параметров, которые задаются, с одной стороны, предпочтениями впередсмотрящих, максимизирующих межвременное потребление индивидов, и, с другой стороны, оптимальным технологическим и производственным выбором фирм» (Там же: 82). Тем самым модели DSGE «не дают ответов, как меняются параметры экономики ... в случае увеличения или уменьшения количества денег, совершающих круговое движение» (Маевский и др., 2020: 35).

Поэтому критики нового неоклассического синтеза называют его «новой классической контрреволюцией» в экономической теории и «самуэльсоновским кузеном» неоклассического синтеза (Foley, 2014: 4–14), в ходе которого происходит возвращение к формально более сложной, но по-прежнему экономически неполной версии «классической дихотомии» (Foley, 2014: 17).

Неспособность ортодоксальной экономической теории решить отмеченные проблемы, что мы интерпретировали как парадоксы неоклассического и нового неоклассического синтеза, связана, на наш взгляд, с ригидностью ее методологической программы. Парадоксально, что в ходе каждого синтеза она не столько развивалась и обогащалась (хотя и впитывала новые элементы), сколько углубляла характерные методологические предпосылки. Как следствие, идеологизация экономического мейнстрима, микрооснования (microfoundations) и характерная оптимизационная математика равновесных моделей являются уже непреодолимыми препятствиями для дальнейших плодотворных попыток приближения к реальности в рамках экономической ортодоксии. Рассмотрим три этих препятствия более подробно.

Что мы понимаем под идеологизацией ортодоксии? В данном случае мы используем термин «идеология» в общеметодологическом смысле, соглашаясь с О.С. Нарайкиным в том, что «идеология – это обобщающая теория, обобщение разделяемых большинством принципов»⁹. Закрепление и незыблемость таких принципов означают идеологизацию в науке, когда «...идеология предлагает вопросы и гипотезы для изучения, служит как система фильтров, регулирующая формирование и эволюцию идей и направление мысли, и ориентирует сам процесс исследования» (Сэмюэлс, 1981: 667).

Однако набор принципов, который был в свое время достоверным, объясняющим и достаточным, с возникновением новых фактов и развитием самой науки может перестать быть таковым. Например, механика Ньютона была достоверна в определенных пределах, известных сегодня в физике. Однако она оказалась недостоверной для объяснения процессов, проходящих на уровне микромира. Таким образом, пересмотр и постоянная ревизия методологических принципов является одним из условий развития любой науки.

В неоклассической экономической теории, как мы показали, набор основополагающих предпосылок практически не пересматривался со времен Маршалла (Блауг, 1994). Идеологизация в экономической неоклассической теории означает, что набор обобщающих принципов стано-

⁸ Существует точка зрения, согласно которой программой нового неоклассического синтеза «была поставлена точка в дебатах о наличии либо отсутствии классической дихотомии» (Столбов, 2012: 16). В то же время сторонники этой позиции признают, что проблема является лишь частично решенной, т.е. «денежно-кредитная политика способна приводить к изменению реальных показателей в краткосрочном периоде» (Там же), а не в долгосрочном, а модели неоклассического синтеза по-прежнему отличаются «недостаточным учетом роли финансов» (Там же: 21).

⁹ *О достоверности научного знания*. Телевизионная программа «Агора», 22 мая 2021 (<https://smotrim.ru/video/2300818>).

вится не столько рамкой для консолидации работающих в этой сфере экономистов, сколько догмой (что нередко сопровождается претензией экономической теории на роль социальной идеологии¹⁰). Мы полагаем, что современная ортодоксия становится подверженной этому эффекту.

Декларирование микрооснований, несмотря на их значение для развития единой экономической теории микро- и макроуровня, также начинает играть роль непреодолимого препятствия для понимания и анализа экономических процессов во все более сложной экономике¹¹. Стиглиц называет их «wrong microfoundations» и полагает «сердцевинной» неудач экономической ортодоксии после нового неоклассического синтеза (Stiglitz, 2018: 70). То, что хорошо для обеспечения целостности теоретических схем, не всегда оказывается полезным при исследовании реальных экономических процессов. Так, микрооснования затрудняют понимание институциональной и мезоуровневой специфики различных экономических систем в силу того, что эта специфика при таком подходе даже не просматривается. Переход с одного уровня анализа на другой происходит путем агрегирования экономических агентов «в широкие классы, каждый из которых рассматривается как органическое целое – потребители, инвесторы и т.д.» (Баумоль, 2001: 81), а «поведение группы фирм или агентов подчиняется тем же законам, что и поведение отдельных единиц» (Хикс, 1993: 373). При таком базирующемся на микрооснованиях подходе уровни, соответствующие структурам (и результатам) взаимодействия этих агентов, «проскакиваются» и остаются вне экономического анализа. Эти структуры представляют собой то, что теоретики систем называют «эмерджентными эффектами», но они «слишком сложны, чтобы их можно было удовлетворительно описать с микроперспективы, учитывая наше нынешнее состояние знаний. Говоря прямолинейнее, мы знаем, что физики понимают микроуровень процессов, которые происходят в нашем организме, гораздо более детально и точно, чем врачи – но Вы бы скорее хотели увидеть своего врача или физика, если Вы заболели, на том основании, что последний лучше понимает микроосновы того, что происходит в вашем теле?» (Korinek, 2017: 3). Эта резкая метафора обращает наше внимание на то, что в реальной экономике существует множество эмерджентных явлений, которые не могут быть прослежены до уровня их микроэкономического происхождения. «Одним из наиболее важных таких понятий является совокупный спрос, который не имеет четкого аналога с позиций микроэкономики» (Там же).

Наконец, рассмотрим еще одно непреодолимое, на наш взгляд, препятствие для плодотворности дальнейших попыток приближения к реальности в рамках экономической ортодоксии – речь идет о характере основных математических моделей, основанных на идеях оптимизации и равновесия. «Новый неоклассический синтез, в котором центральное положение занимают модели общего равновесия, идеологически близок к вальрасовской традиции в экономической науке. Ее отличает излишне механистический взгляд на экономические процессы» (Столбов, 2012: 26). При этом заметим, что предпосылки равновесия (и связанные с ними представления об эргодичности¹² и бесконечных горизонтах) в стандартных моделях, в частности в моделях DSGE, являются барьером для объяснения отклонений от равновесных состояний и выявления причин кризисов (Korinek, 2017: 3)¹³.

Однако в условиях, когда турбулентность, нелинейность, сложность и непредсказуемость экономических процессов становятся постоянными спутниками экономического развития, неудовлетворенность такого рода представлениями возрастает. Специалисты отмечают, что если «вплоть до начала кризиса 2008–2009 гг. ... сомнительный характер предпосылок, лежащих в основе нового неоклассического синтеза, не влиял на релевантность выводов этой теории» (Столбов, 2012: 16), то позже разразившийся «кризис нанес мощный удар по принципам нового

¹⁰ Как отмечал в этой связи бразильский гетеродоксальный экономист Луис Карлос Брессер-Перейра, «неоклассическая экономическая теория играет роль метаидеологии, математически и “научно” легитимизируя неолиберальную идеологию» (Bresser-Pereira, 2010: 499).

¹¹ Британский экономист Роберт Скидельский, ссылаясь на работы Кейнса, даже объявляет идею микрооснований червем (worm) на пути прогресса в экономической теории (www.primeeconomics.org/articles/macroeconomics-andmicrofoundations-3 – Дата обращения: 10.09.2017). См. также Skidelsky, 2020.

¹² Эргодичность – свойство динамических систем; состоит в том, что в процессе эволюции почти каждое состояние проходит с определенной степенью вероятности вблизи любого другого состояния.

¹³ Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц в этой связи выказался еще более критично: вывод Кориника о том, что «научная строгость» методологии DSGE «сомнительна», следует рассматривать как преуменьшение (Stiglitz, 2018).

неоклассического синтеза» (Там же: 21). Таким образом, проявился отмеченный Д. Фоули «самуэльсоновский порок», когда вновь возникло «искушение изменить формулировку абстрактной задачи так, чтобы она соответствовала имеющимся математическим инструментам, а не искать новые инструменты, адекватные имеющейся задаче» (Фоули, 2012: 91). Такими инструментами продолжают оставаться равновесные оптимизационные модели неоклассической экономической теории.

Выводы и перспективы

Неоклассическая экономическая теория является лишь частью мира экономических идей и концепций. Однако ее доминирующее положение и статус мейнстрима, поддерживаемые не только армией приверженцев, но множеством работающих институтов – от ассоциаций и журналов до университетских программ и консультационных агентств, – заставляет нас с большим вниманием относиться к ее состоянию и перспективам развития.

Очевидно, что это направление постоянно прогрессирует, впитывая все новые и новые разработки экономистов со всего мира, «мейнстрим находится в состоянии динамической трансформации, в которой участвуют различные исследовательские программы» (Баженов, Мальцев, 2018: 9). Свидетельством этому стали *неоклассический синтез* 1940–60-х годов и *новый неоклассический синтез* 1990-х годов, в ходе которых под давлением экономической практики обновлялись теоретические концепции и инструменты экономического анализа. Каждый раз задача синтеза состояла в том, чтобы «на основе соединения, казалось бы, противоположных по содержанию исследовательских программ разработать более общую экономическую теорию, отражающую изменения, происшедшие в экономике, результаты новейших теоретических исследований, а также все позитивное, что содержится в предшествующих концепциях» (Никифоров, 2014). Как показал анализ результатов каждого синтеза, в определенной мере неоклассике это удавалось.

В то же время мы обратили внимание на сопровождающие тот и другой синтез парадоксы. Они состояли в том, что странным образом ряд теоретических проблем, постоянно требовавших своего решения, решены не были. Во-первых, так и не удалось существенно увеличить прогностическую силу неоклассических ортодоксальных теорий. Более того, непредвиденные потрясения, с которыми сталкивается мировая экономика, становятся все масштабнее и глубже. Во-вторых, несмотря на усложнение и уточнение теоретических моделей экономики в ходе каждого синтеза, они продолжают оставаться довольно абстрактными. Неоклассика сохраняет свой нормативный уклон, и ее продолжают критиковать за то, что она объясняет не развитие реальных экономик, в которых социальные, материальные и природные условия являются значимыми факторами нелинейного и циклического развития, а описывает «стерильный» экономический мир, в котором «правит бал» оптимальность. В-третьих, в своих теоретических моделях экономическая ортодоксия до сих пор не представила убедительного решения проблемы «классической дихотомии», т.е. взаимосвязанного рассмотрения монетарного и реального секторов. Соответственно, деньги (в долгосрочном периоде) для экономистов-теоретиков по-прежнему нейтральны (что многим кажется противоречащим простому здравому смыслу) и являются лишь «социальным устройством для снижения операционных издержек, что не обеспечивает ... понимания финансовой динамики» (Foley, 2014: 2).

Причину отмеченных парадоксов мы видим в сохранении жесткого методологического концептуального ядра экономического мейнстрима, что становится причиной уже не силы, а, возможно, слабости неоклассической теории. Как отмечал один из конструктивных критиков (и одновременно активных «пользователей») моделей DSGE Антон Коринец, «если методология становится доминирующей, но недостаточно широкой, чтобы зафиксировать все явления, представляющие интерес в данной области, то она подвергает саму эту область риску достаточной прочности» (Korinek, 2017: 11). Проявлением этих «рисков прочности» являются отмеченная идеологизация неоклассической экономической теории, «зацикленность» теории на микрооснованиях и превалирование оптимизационной математики равновесных моделей.

Обращая внимание на парадоксы синтеза в экономической ортодоксальной теории, мы исходим из того, что выявление парадоксов, как правило, стимулирует новые исследования, содействует более глубокому осмыслению теории и проверке очевидности ее постулатов. Однако могут ли быть преодолены эти парадоксы в рамках самой неоклассики? Мы видим, что действующая система исходных предпосылок, базирующихся на принципе методологического индивидуализма, обеспечивает силу и единство неоклассической теории. Но одновременно эта же система является своего рода входным фильтром при акцептации новых идей, «пропуская» лишь их модифицированные адаптированные под неоклассическую доктрину версии. Другими словами, именно жесткость методологического неоклассического ядра есть основное препятствие для преодоления отмеченных парадоксов в ходе нового синтеза, что делает их преодоление в рамках неоклассики невозможным. Неоклассическая теория поймала себя в «методологическую ловушку», ею же созданную.

Более «отзывчивым» на проблемы экономической жизни направлением, внутри которого возможен плодотворный синтез, нам представляется гетеродоксальная экономическая теория¹⁴. Она менее «замкнута» и более открыта к междисциплинарному диалогу. В силу этого она может дать «более полное и надежное объяснение экономических реалий, чем ортодоксальная экономика мейнстрима» (Hermann, Mouatt, 2021: 3; Lavoie, 2009). С точки зрения гетеродоксии экономика рассматривается и моделируется не как равновесная структура, а как процесс, в котором структуры, в том числе институциональные, возникают вследствие эмерджентных эффектов экономической коэволюции (Elsner, 2007), а также кумулятивной причинности (по Веблену). Неслучайно для Т. Веблена и Дж. Коммонса термин «эволюционный» синонимичен «институциональному» (Квашницкий, 2006: 95). В гетеродоксии признается фактор неопределенности (а не рисков, как в неоклассической экономике) в силу разного рода положительных обратных связей. Соответственно, возникающие для преодоления неопределенности структуры (мезоструктуры) и эффекты (например, path dependence) становятся объектом анализа. Также гетеродоксальные экономисты исходят из исторической, культурной, географической и социальной обусловленности экономических процессов, что находит отражение в известном понятии *embeddedness* (К. Поланьи, М. Грановеттер).

Изучение возможностей синтеза в гетеродоксальной экономической теории составляет перспективную задачу наших исследований. Предстоит проанализировать парадоксальную, на наш взгляд, ситуацию, которая складывается в гетеродоксальной экономике. Здесь парадокс состоит в том, что, несмотря на разнообразие развиваемых гетеродоксами подходов и используемых исследовательских схем, мы пока не наблюдаем тенденций к синтезу между ними. Предстоит проверить гипотезу о том, что причины этого также следует искать в методологической плоскости. Но здесь они имеют противоположный, по сравнению с ортодоксией, характер: не жесткость, а, наоборот, неформленность методологического консенсуса служит препятствием для результативного синтеза развиваемых гетеродоксальных концепций. Но это, как говорится, «уже совсем другая история».

Литература / References

- Автономов В., Ананьин О., Макашева Н. (ред.) (2002). *История экономических учений*. М.: ИНФРА-М, 783 с. [Avtonomov V., Ananyin O., Makasheva N. (Eds.) (2002). *History of Economic Thought*. Moscow: INFRA-M Publ., 783 p. (in Russian).]
- Автономов В.С. (1998). *Модель человека в экономической науке*. СПб: Экономическая школа, 229 с. [Avtonomov V.S. (1998). *Model of Man in Economics*. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ., 229 p. (in Russian).]
- Баженов Г., Мальцев А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима. *Общество и экономика* (1): 5–21. [Bazhenov G., Maltsev A. (2018). Modern heterodox directions of economic theory in the context of the transformation of the mainstream. *Obshchestvo i Ekonomika* (1): 5–21 (in Russian).]

¹⁴ О гетеродоксии (гетеродоксальной экономической теории) и ее отличии от ортодоксии см., например, Мальцев, 2017: 151, 2018; Кирдина-Чэндлер, 2018; Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2020).

- Баумоль У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию. *Вопросы экономики* (2): 73–107. [Baumol W. (2001). What Alfred Marshall did not know: The contribution of the XX century to the economic theory. *Voprosy Ekonomiki* (2): 73–107 (in Russian).]
- Блауг М. (1994). Маржиналистская революция, с. 275–305. В кн.: Блауг М. *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело. [Blaug M. (1994). The marginalist revolution, pp. 275–305. In: Blaug M. *Economic Thought in Retrospect*. Moscow: Delo Publ. (in Russian).]
- Воронцов Н.Н. (1980). Синтетическая теория эволюции: её источники, основные постулаты и нерешенные проблемы. *Журнал Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева* 25(3): 293–312. [Vorontsov N.N. (1980). Synthetic theory of evolution: its sources, basic postulates and unsolved problems. *Zhurnal Vsesoyuznogo khimicheskogo obshchestva im. D.I. Mendeleeva* 25(3): 293–312 (in Russian).]
- Вудфорд М. (2010). Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза. *Вопросы экономики* 10: 17–30. [Woodford M. (2009). Convergence in macroeconomics: Elements of the new synthesis. *Voprosy Ekonomiki* 10: 17–30 (in Russian).]
- Довбенко М.В., Осик Ю.И. (2011). *Современные экономические теории в трудах нобелиантов*. М.: Академия Естествознания. [Dovbenko M.V., Osik Yu.I. (2011). *Modern Economic Theories in The Writings of The Nobelists*. Moscow: Akademiya estestvoznaniya Publ. (in Russian).]
- Квашницкий В. (2006). Истоки эволюционной экономики, с. 90–134. В кн.: Квашницкий В. *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [Kwashnitskiy V. Roots of evolutionary economics, pp. 90–134. In: Kwashnitskiy V. *Origins. From the Experience of Studying Economics as A Structure and A Process*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).]
- Кирдина С.Г. (2013a). Методологический индивидуализм и методологический институционализм. *Вопросы экономики* (10): 66–89. [Kirdina S. (2013a) Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki* (10): 66–89 (in Russian).]
- Кирдина С.Г. (2013b). Преодолевая ограничения методологического индивидуализма. *Журнал экономической теории* (4): 100–109. [Kirdina S.G. (2013b). Overcoming the limitations of methodological individualism. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* (4): 100–109 (in Russian).]
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2018). Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии. *Journal of Institutional Studies* 10(3): 6–17. [Kirdina-Chandler S.G. (2018). Meso-economics and complexity economics: Going beyond the limits of economic orthodoxy. *Journal of Institutional Studies* 10(3): 6–17 (in Russian).] DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. (2020). Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики. *Terra Economicus* 18(3): 30–52. [Kirdina-Chandler S., Maevsky V. (2020). Evolution of heterodox mesoeconomics. *Terra Economicus* 18(3): 30–52 (in Russian).] DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-30-52
- Клейнер Г.Б. (2017). Экономическая теория и экономическая реальность: проблемы взаимодействия. *Научные труды Вольного экономического общества России* (4): 459–470. [Kleiner G.B. (2017). Economic theory and economic reality: Problems of interaction. *Nauchnye Trudy Volnogo Ekonomicheskogo Obshchestva* (4): 459–470 (in Russian).]
- Кумхоф М., Якоб З. (2016). Правда о банках. *Финансы и развитие* 53(1): 50–53. [Kumhof M., Jacob Z. (2016). The truth about banks. *Finasy i Razvitiye* 53(1): 50–53 (in Russian).]
- Маевский В.И. (2021). О базовых предпосылках не-нейтральности денег в экономической теории. *Journal of Institutional Studies* 13(1): 6–19. [Maevsky V. On the basic preconditions of non-neutrality of money in economic theory. *Journal of Institutional Studies* 13(1): 6–19 (in Russian).]
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В. (2020). *Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег*. М., СПб.: Нестор-История, 160 с. [Maevsky V.I., Malkov

- S.Yu., Rubinshtein A.A., Krasilnikova E.V. (2020). *The Theory of Capital Reproduction and The Non-Neutrality of Money*. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 160 p. (in Russian).]
- Мальцев А.А. (2017). *Эволюция экономической мысли в контексте развития мирового хозяйства*. М.: ТЕИС, 400 с. [Maltsev A.A. (2017). *The Evolution of Economic Thought in The Context of The Development of The World Economy*. Moscow: TEIS Publ., 400 p. (in Russian).]
- Мальцев А.А. (2018). Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития. *Экономическая политика* **13**(2): 148–169. [Maltsev A.A. (2018). Heterodox economic theory: Current status and ways of further development. *Ekonomicheskaya Politika* **13**(2): 148–169 (in Russian).]
- Маневич В.Е. (2008). *Кейнсианская теория и российская экономика*. М.: Наука, 221 с. [Manevich V.E. (2008). *Keynesian Theory and Russian Economy*. Moscow: Nauka Publ., 221 p. (in Russian).]
- Меньшиков С.М. (2007). *О времени и о себе. Воспоминания*. М.: Международные отношения, 544 с. [Menshikov S.M. (2007). *About Time and Myself. Memories*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 544 p. (in Russian).]
- Никифоров А.А. (2014). *Проблемы синтеза научных исследовательских программ: концептуальный аспект*. [Nikiforov A.A. (2014). *Problems of The Synthesis of Scientific Research Programs: A Conceptual Aspect* (in Russian).] https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x22/x6e/8814/file/Thesis_Nikiforov_Rudakova.doc – accessed on February 12, 2021).
- Остапенко В. (2020). Монетарный и реальный анализ в макроэкономической теории: вечная дихотомия? // *IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020»*, т. II, с. 80–83. М.: НЭА, ИЭ РАН, ЭФ и МГУ им. М. В. Ломоносова. [Ostapenko V. (2020). Monetary and real analysis in macroeconomic theory: An eternal dichotomy? *IV Russian Economic Congress "REC-2020"*, vol. II, pp. 80–83. Moscow: NEA, IE RAS, EF MSU and Lomonosov Moscow State University (in Russian).]
- Полбин А.В. (2013). Построение динамической стохастической модели общего равновесия для экономики с высокой зависимостью от экспорта нефти. *Экономический журнал ВШЭ* (2): 347–383. [Polbin A.V. (2013). Building a dynamic stochastic general equilibrium model for an economy with a high dependence on oil exports. *Higher School of Economics Economic Journal* (2): 347–383 (in Russian).]
- Розмаинский И. (2008). О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX – начала XXI века. *Вопросы экономики* (7): 89–99. [Rozmainisky I. (2008). On the methodological foundations of mainstream and heterodoxy in economic theory in the end of the XIX – the beginning of the XXI centuries. *Voprosy Ekonomiki* (7): 89–99 (in Russian).]
- Розмаинский И.В. (2007). Денежная экономика как основной «предметный мир» посткейнсианской теории. *Экономический вестник Ростовского государственного университета* **5**(3): 58–68. [Rozmainisky I. (2007). Monetary economics as the main “subject world” of post-Keynesian theory. *Economic Herald of Rostov State University* **5**(3): 58–68 (in Russian).]
- Ронкалья А. (2018). *Богатство идей. История экономической мысли*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 656 с. [Roncaglia A. (2018). *The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought*. Moscow: HSE Publishing House, 656 p. (in Russian).]
- Садовский В.Н. (2001). Синтез, с. 546–547. *Новая философская энциклопедия*, т. 3. М.: Мысль. [Sadovsky V.N. (2001). Synthesis. *New Philosophical Encyclopedia*, vol. 3. Moscow: Mysl Publ., pp. 546–547 (in Russian).]
- Столбов М. (2012). Современная макроэкономика: основные вызовы и возможные векторы изменений. *Вестник Института экономики* (3): 3–20. [Stolbov M. (2012). Modern macroeconomics: main challenges and possible vectors of change. *Vestnik Instituta Ekonomiki* (3): 3–20. (in Russian).]
- Сэмюэлс У. (1981). Идеология в экономическом анализе, с. 661–682. В кн: Вайнтрауб С. *Современная экономическая мысль*. М.: Прогресс. [Samuels W. (1981). Ideology in economic

- analysis, pp. 661–682. Weintraub S. (Ed.). *Modern Economic Thought*. Moscow: Progress Publ. (in Russian).]
- Фоули Д. (2012). Математический формализм и политэкономическое содержание. *Вопросы экономики* (7): 82–95. [Foley D. (2012). Mathematical formalism and political-economic content. *Voprosy Ekonomiki* (7): 82–95 (in Russian).]
- Харрис Л. (1990). *Денежная теория*. М.: Прогресс, 750 с. [Harris, L. (1990). *Monetary theory*. Moscow: Progress Publ., 750 p. (in Russian).]
- Хикс Дж.Р. (1993). *Стоимость и капитал*. М.: Прогресс, 488 с. [Hicks J.R. (1993). *Value and Capital: An Inquiry into Some Fundamental Principles of Economic Theory*. Moscow: Progress Publ., 488 p. (in Russian).]
- Худокормов А.Г. (2009). *Экономическая теория: Новейшие течения Запада*. М: ИНФРА-М, 416 с. [Khudokormov A.G. (2009). *Economic Theory: The Latest Trends in The West*. Moscow: INFRA-M Publ., 416 p. (in Russian).]
- Ширков Д.В., Казаков Д.И. (2009). Квантовая теория поля, с. 453. В кн.: *Большая российская энциклопедия*, т. 13. М.: Большая российская энциклопедия. [Shirkov D.V., Kazakov D.I. (2009). Quantum field theory, pp. 453. *Great Russian Encyclopedia*, vol. 13. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ. (in Russian).]
- Becker G. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press, 320 p.
- Bresser-Pereira L.C. (2010). The global financial crisis and a new capitalism? *Journal of Post Keynesian Economics* **32**(4): 499–534.
- Elsner W. (2007). Why meso? On „aggregation“ and „emergence“, and why and how the meso level is essential in social economics. *Forum for Social Economics* **36**(1): 1–16.
- Foley D. (2014). Varieties of Keynesianism. *International Journal of Political Economy* **43**(1): 4–19.
- Goodfriend M., King R.G. (1997). The new neoclassical synthesis and the role of monetary policy. *NBER Macroeconomics Annual, NBER Chapters* **12**: 231–283.
- Haberler G. (1937). *Prosperity and Depression: A Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. Geneva: League of Nations, 542 p.
- Hansen A.H. (1949). *Monetary Theory and Fiscal Policy*. New York: McGraw Hill, 236 p.
- Hein E. (2008). *Money, Distribution Conflict and Capital Accumulation: Contributions to “Monetary Analysis”*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, xiv+214 p.
- Hermann A., Mouatt S. (Eds.) (2021). *Contemporary Issues in Heterodox Economics: Implications for Theory and Policy Action*. London: Routledge, 342 p.
- Hicks J.R. (1937). Mr. Keynes and the “Classics”: A suggested interpretation. *Econometrica* **5**: 147–159.
- Keynes J.M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan, 472 p.
- Korinek A. (2017). Thoughts on DSGE macroeconomics: matching the moment, but missing the point? “A Just Society” Conference Honoring Joseph Stiglitz’s 50 years of Teaching. SSRN (<https://ssrn.com/abstract=3022009>).
- Laffargue J.-P., Malgrange P., Morin P. (2012). The “new neoclassical synthesis”: An introduction. *Économie et Statistique* **451-452-453**: 31–44.
- Lavoie M. (1992). *Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis*. Aldershot (England) and Brookfield (Vermont): Edward Elgar, 481 p.
- Lavoie M. (2009). Heterodox Microeconomics, pp. 25–53. In: Lavoie M. *Introduction to Post-Keynesian Economics*. London: Palgrave Macmillan.
- Lucas R. (1976). Econometric policy evaluation: A critique. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy* **1**: 19–46. New York: American Elsevier.

- Lundberg E. (1937). *Studies in the Theory of Economic Expansion*. London: King & Son, x+265 p.
- Modigliani F. (1944). Liquidity preference and the theory of interest and money. *Econometrica* **12**(1): 45–88.
- Patinkin D. (1956). *Money, Interest and Prices: An integration of Monetary and Value Theory*. Evanston, IL: Row, Peterson and Company, 510 p.
- Samuelson P.A. (1948). *Economics*. New York: McGraw-Hill Company. x+622 p.
- Samuelson P.A. (1955). *Economics: An Introductory Analysis*. New York: McGraw-Hill, 753 p.
- Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press, 1186 p.
- Skidelsky R. (2020). *What's Wrong with Economics? A Primer for the Perplexed*. Padstow, Cornwall: Yale University Press, 248 p.
- Stiglitz J.E. (2018). Where modern macroeconomics went wrong. *Oxford Review of Economic Policy* **34**(1-2): 70–106.
- Tobin J. (1958). Liquidity Preference as Behavior Towards Risk. *Review of Economic Studies* **25**(2): 65–86.
- Tobin J. (1996). *Full Employment and Growth: Further Keynesian Essays on Policy*. Cheltenham, UK, and Brookfield, VT: Edward Elgar, xi+312 p.
- Trautwein H.-M. (2014). Three macroeconomic syntheses of vintage 1937: Hicks, Haberler, and Lundberg. *The European Journal of the History of Economic Thought* **21**(5): 839–870.
- Whaples R. (2006). Do economists agree on anything? Yes! *The Economists' Voice* **3**(9): 1–6.
- Woodford M. (2009). Convergence in macroeconomics: Elements of the new synthesis. *American Economic Journal: Macroeconomics* **1**(1): 267–279.